

ГОНИТ

Газета о нашей гимназии

7 февраля 2005 года №8 (88)

Обо всем понемногу

* * *

Звезда на землю тихо опустилась
И вот уже, моргнув последний раз,
Во сне глубоком тут же очутилась,
А я лежу, не закрывая глаз.

Та звездочка была красива,
Хоть иногда светила до утра,
А свет ее, так это просто диво,
Но я проснусь, и где же звездочка
моя?

А звезды иногда терялись,
Но не во тьме, а просто наяву,
А дни каникул медленно кончались,
А я живу, как звезды, я живу.

Времена года

Весна. Ручьи бегут
И солнышко сияет.
А птички песенку веселую поют,
И снег на солнце быстро тает.

А я грущу и вспоминаю зиму,
Когда мы дружно нашею семьей
Из снега создавали бабу Зину,
Которая стоит перед скамьей.

А что же с нами всеми будет летом,
Когда уедем в жаркие, пустынные края,
Не будем подниматься мы с рассветом,
Не будем слышать пение веселого
ручья.

Акопян Эмма

Пронзи меня, воспоминанье!

Свой не родной Петербург

Было сухо, тепло и достаточно тихо для петербургского вокзала. Вторая столица России встречала нас ежеминутно повторяющейся мелодией «Город на Неве», за которой обязательно следовал несколько сдавленный женский голос: «На третий путь прибывает поезд Москва-Санкт-Петербург, всегда вкусным на голодный желудок запахом чего-то более или менее съестного, просачивающимся из открытых дверей

закусочной, которая с одинаковой вероятностью могла называться «Семафор», «Моя Нева», «Медный всадник» или «Петр первый», дружелюбными коренными жителями этого вокзала и не слишком гостеприимно поглядывающими футбольными болельщиками питерского «Зенита», расположившимися плотным кольцом вокруг памятника Петру. Видимо, догадавшись о нашем московском происхождении, каждый раз после мелодии о Ленинграде и очередном объявлении сверху, один из фанатов, обмотанный синим шарфом и восседавший на чьих-то дорожных сумках, словно Анна Иоанновна на троне, снимал сине-белую шапку с коротко стриженной головы, меланхолично помахивал сигаретой и с гордой улыбкой повторял: «Ах, Петербург, великий город!» Петербург, действительно, очень похож на столицу, только не этого государства. Для меня он был каким-то не родным, слишком правильным после бесшабашной Москвы. Моя любимая Москва - это «бесшабашность, сотканная из зевот», а в питерцах

«есть заколдованность» (В.Ерофеев, «Вальпургиева Ночь»). Москва - это пестрый платок, хохломская игрушка, муравейник, разрываемый бурной деятельностью его жителей, а Питер, несмотря на большое количество его народонаселения и непрекращающийся поток машин, больше похож на гранитно-розовый, гранитно-серый твердый берег Невы, в которую, впрочем, как и в Москву-реку, не преминут сбрасывать всевозможные отходы.

Очень меня поразило петербургское метро. Я, как истинный патриот московской подземки, с ужасом рассматривала голые стены петербургских станций и искала там так полюбившихся крестьян в бронзовых лаптях с «Площади революции» или хотя бы «грудную клетку Маяковского».

Петербург - это самый большой в мире памятник русскому самодержавию. Гранитный монумент в классицистическом стиле, стиле ампира, музей нерусской России со множеством залов - военно-историческим, с Петропавловской крепостью, Михайловским замком, литературным с пронизывающим город каналом Грибоедова и домом Пушкина, с экскурсиями о Петербурге Достоевского и Невском проспекте Гоголя, дворцовым с Петергофом, Екатерининским, Меншиковским, Юсуповским дворцами и секретным, скрытым залом с разрушающимися общежитиями на окраинах города и пятиэтажками в аварийном состоянии, которых не коснулся косметический ремонт.

Не слишком впечатлил меня Невский, где, по Гоголю, «все обман, все мечта, все не то, чем кажется». Улица потерялась за нескончаемым потоком машин, ревом не желающих стоять в пробке водителей, размахивающих руками и выказывающих свое явное недовольство, прямо как в повести Николая Васильевича, «иногда с довольно разительными жестами». Здесь давно уже всем все равно, «далеко ли высунулись

воротнички из вашего галстука», и вообще, есть ли у вас галстук или воротнички. Много людей, машин, людей в машинах, машин для людей - тесно, узко, мало места... И посреди этой песчаной бури в пустыне стоит гордый Казанский собор, словно величественный оазис, окруженный колоннадой. Вечно спорящий с Исаакиевским по красоте и популярности, он гостеприимно принимает питерскую молодежь, отдыхающую на зеленых газонах посреди асфальтированных дорог. Собор привносит в пыльный Невский частичку Италии, вместе с Исаакиевским они подтверждают статус Петербурга как второй Венеции, а то и первой - как кому больше нравится. А еще большую романтику в гранитный памятник города добавляет его ночной облик - с подсветкой зданий и разводом мостов. Половинки моста начинают подниматься, и сотни влюбленных пар стоят на берегу и вздыхают. Ну, чем не романтика? Правда, всю обстановку тогда несколько нарушили десятки машин, не успевших на ту сторону города, а потому с бешеной скоростью несущихся от моста к мосту. Конечно, больше всего туристов притягивает злобещий Петербург-с тюрьмой «Кресты», которую мы, если честно, сначала приняли за нашу гостиницу, Петропавловскими камерами и непременно рассказами экскурсоводов о, по-видимому, чудесным образом размножившихся призраках Павла, стадами бродящих по Михайловскому замку, Гатчине и Павловску.

«Ничего, в нашем общежитии ГУТа (Государственного Университета Телекоммуникаций) тоже свой Паша есть, и гораздо лучше», - подумала я.

Болдырева Дарья

Девятое января 1905 года

**Вспомнил ли царь в полутемном подвале
Площадь, с иконами толпы людей
Как казаки их конями топтали?
Вспомнил расстрелянных баб и детей?**

**Вспомнил ли, слыша стальной лязг затвора,
Поезд, в котором отрекся от нас?
Вспомнил ль того в Иудее, который
Руки умыл в ранний утренний час?**

***В 2005 году исполнилось сто лет
«кровавому воскресенью»***

Не так давно я путешествовала в восточную Европу, а именно в Чехию. До Бреста мы ехали на поезде, а после – автобусом.

Многие считают, что автобусные туры – это путешествия эконом - класса. Я соглашусь, что такие туры дешевле туров с перелётами. Но, согласитесь, впечатлений в таком роде путешествий намного больше. Ведь ты видишь не белые пышные облака и больше ничего, а проезжающий мимо тебя мир.

Чехия находится на месте слияния двух миров – германского и славянского. Думаю, поэтому она не похожа ни на славянские страны, ни на западноевропейские. Сама страна была образована в эпоху средневековой Европы, и поэтому дух Средневековья сохранён в каждом чешском городе.

Наш тур назывался «Пражские каникулы», но в самой Праге мы были всего 2 дня. Этого совсем недостаточно, чтобы успеть и осмотреть весь город, и просто прогуляться по старым улочкам. Но также мы посетили не менее красивые и интересные места, такие как маленький курортный городок Карловы Вары и старый город и почти музей на открытом небе Кутна Гора.

Карловы Вары – это самый знаменитый чешский курорт, известный своими термальными источниками. Еще в средние века были обнаружены их лечебные свойства. По легенде Карл IV охотился в тех местах на оленя. Собаки загнали израненное животное в воду одного из источников, но олень попил целебной воды и как ни в чем не бывало поскакал дальше, оставив короля без трофея.

Сам город расположен в долине, окружённой со всех сторон горами, покрытыми лесом. Курортная же часть города расположена по берегам маленькой речки Теплы ещё ниже, в самой расщелине. Всего источников 12, самый известный из которых Вржидло. Вода этого источника, разогретая до 70 градусов, бьёт на высоту 12 м.

Кутна-Гора известен местными шахтами, добывающими серебро. Сейчас они закрыты, но в раннем средневековье Кутна-Гора был самым крупным источником серебра во всей Европе. Чуть позже здесь чеканились чешские гроши. В настоящее время в городке сохранились средневековые улочки и укромные уголки старого города. Сам Кутна-Гора похож на огромный музей Средневекового Города.

Старинные замки – также гордость Чехии. Они разбросаны довольно далеко от Праги, и, к сожалению, мы побывали только в одном из них – замке Штернбергов. В нем воссоздан старинный интерьер: на стенах висят картины, изображающие сцены охоты, собрана коллекция оружия, в одной из комнат на стене огромное геологическое древо семьи Штернбергов.

Я поняла, Чехия – страна, не похожая на другие европейские страны, и советую и вам посетить этот чудесный уголок Европы.

Об отношении различных типов мировоззрений к их носителям

Данную статью нельзя отнести к “религиозной пропаганде” или “поискам смысла жизни” в общераспространенном значении слов “смысл жизни” – это статья обзорная. Думаю, тема, затронутая в этой статье, будет интересна каждому, а особенности тем, кто собрался посвятить свою жизнь умственному труду (науке, в частности). Однако людям уровня “чё тут чувак написал, самый умный, что ль?” - читать не советую.

1. Как мыслится положение человека, если приложить исповедуемое им мировоззрение к нему же, к его родным, друзьям, совершающим? – важный вопрос.

Например, атеизм, типичный для коммунистических взглядов на жизнь делает совершенно нелепым и безумным поведение “борцов за идею”, самых ярых сторонников коммунистических взглядов. Ведь, с одной стороны, высшей ценностью ставится материальная благообеспеченность общества, ради которой (в борьбе за которую) можно пренебречь и нравственностью, и жизнями сотен тысяч людей. А с другой стороны, от конкретных людей требуется высокая нравственность: геройство, альтруизм, готовность пожертвовать собой ради других. Уже противоречие.

И ещё, ради будущих поколений он должен отдать собственную жизнь, в то время как счастье и сытость в этой, земной жизни ставятся высшим пределом желаний для грядущих поколений, целью борьбы; отдать свою жизнь навсегда, ибо “бессмертие – выдумки невежд”, и, получается, с точки зрения разумности и рациональной обоснованности, которой столь гордится “марксистско-ленинское мировоззрение” гибель людей во имя революции – чистый бред для них самих. Атеизм-то получается философией буржуа, мещанина, стремящегося ибо (нет иной, кроме этой -) как можно сытнее и спокойнее провести свою жизнь, столь презираемую самоотверженными “борцами за идею”, тоже являющимися атеистами! Значит, подобные взгляды, раз они дискредитируют собственных сторонников, можно сразу отбросить, не рассматривая даже философской и экономической подоплёки.

Итак, мы поняли, что вопрос, поставленный в начале статьи, является практически значимым и ответ на него есть вообще одна из основных характеристик любого мировосприятия. Постараемся же дать ответ на данный вопрос для трёх типов мировоззрения (или мировосприятия, ибо, я считаю, возможно, только три его типа, основанных на трех различных верах (уверенностях), что и будет рассмотрено ниже).

2. Антропофагия. Этим словом можно охарактеризовать два типа нерелигиозного мировоззрения: либо “всё пожирает меня”, либо “я пожираю всё”.

Первый случай можно назвать материализмом. Человек принимает на веру, что эмпирическая научная картина мира всецело охватывает (или может охватить) и исчерпывает мир, то есть не существует того, что не может быть описано наукой. – Столько-то миллиардов лет назад на планете, являющийся частью солнечной

системы, которая, в свою очередь, есть пылинка по отношению к галактике (... и т.д.) произошла жизнь. В результате её длительного развития столько-то миллионов лет назад появилось человечество, пылинкой по отношению к которому являюсь я сам*. Умру ли я, буду жить ли я – совершенно безразлично. В сравнении со всем миром я – даже не пылинка, а – ничто. Я несоизмерим со вселенной, и никакого хоть как-то значимого влияния оказать на неё не могу, и если я и обладаю свободой воли, если мои действия и не обусловлены полностью внешним стечением обстоятельств, то моя свобода воли подобна свободе заключенного, сидящего в глухой одиночной камере: он свободен в своем волеизъявлении – пошевелить сейчас пальцами или не пошевелить.

Вся система сводит меня на нет, и даже в историческом процессе (в процессе развития вида, который идет миллионы лет и в конце концов окончится его гибелью) – я ничто. Человечество пожирает меня, и так как и оно находится в положении, подобном моему, то и оно само оказывается пожранным.

Второй случай – это крайний идеализм. Я – пожираю всё. Если в первом типе мировоззрения человек своей верой ставит себя в ряд бесконечно изменяющихся явлений, то здесь – человек верит исключительно в свое я (кстати, и для первого, и для второго, можно всегда найти некоторые логические обоснования), и весь мир содержится во мне, его реальность всецело сводится к моей реальности, как некое моё представление. Значит, живые люди, их жизнь, бытие всего, что меня окружает, ограничивается, в лучшем случае, иллюзорным существованием ключевых пены, плавающих на поверхности безграничного океана – Я, сознания. Моё Я пожирает человечество и весь мир.

Также существует религиозный тип мировоззрения, основанный на вере в Бога. Данное мировоззрение нельзя отнести к антропофагическим. Здесь – Бог является гарантией того, что Я не пожрёт всё, и всё не пожрёт я. Я могу обращаться к Богу, и Он меня услышит. Вера в это – осознание своей собственной чрезвычайной значимости, ибо я обращаюсь к Тому, Кто сотворил всё бытие, и материальную вселенную в частности, и Он же дает мне личное спасение и Жизнь с Ним. И это моя связь с Богом делает для меня таким же реальным, как и собственное мое бытие, существование другого. Но я не растворюсь в другом благодаря этой связи, моей вере в Бога.

“Иисус сказал: **возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим**, и всею душою твою, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки”. (Мф. 22:37-40)

Если вдуматься, то можно понять, что вся суть религиозного мировоззрения выражена в этих словах Евангелия, и всё религиозное мировоззрение утверждается на двух данных принципах.

Ни я уничтожаясь другим, ни Я уничтожаю другое, но через веру в Бога я обретаю уверенность в нетленном существовании как себя, так и другого (ибо оно – Его творение), причём это другое становится ближним.

А после этой уверенности возможно и постижение научными** методами материальной реальности, и художественное творчество, и – жизнь...

Сталкивать три типа описанных мировоззрений бессмысленно. Можно только выяснить особенности каждого в общем и в частном плане (этому и была посвящена статья), а уж дальше выбор за человеком, и от этого выбора зависит всё его бытие, вся его жизнь, и мировоззрение – воистину главный вопрос жизни всякого человека, если он только человек.

* - Детали в процессе развития научного знания постепенно меняются, но суть остается именно такой.

** - Освещение вопроса об отношении системы предпосылок научного познания и религии не ставилось как цель данной статьи, однако приведу следующие слова С. Булгакова: “Наука принципиально опирается на религию, и не противоречит ей, как это странным образом сложилось в современных представлениях. Рассматривая же разум и науку как продукт и орудие борьбы за существование своеобразно понятого дарвинизма, мы должны окончательно развенчать их. Если сила и значение научной истины только в полезности, как говорят дарвинисты в биологии и гносеологии, то откуда взяли, что истина всегда полезна и что не полезнее иногда, а может быть, и всегда, заблуждение?... Наука сама основывается на вере в разум, в единство разумного начала в микрокосме и в макрокосме, на религиозном и благочестивом признании ценности истины и любви к ней”.

10.11.04 А. Храмов

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война и моя семья

Даниил Грачев

Я хочу передать рассказы моих родных о том, как война затронула нашу семью.

Мой двоюродный дед Митя ушел на фронт добровольцем в 17 лет, вслед за старшим братом. Однажды они попали в окружение, и появилась угроза попасть в плен к немцам. Тогда их командир выдал ему русские документы (а он был евреем), в результате они благополучно вышли из окружения. А дед прошел всю войну и оставил себе имя и отчество из этих документов.

Мой дед Петя, участвуя в наступлении, чудом остался жив. Пуля лишь едва коснулась его пальца и убила его товарища, который стоял рядом.

Другой случай произошел с моим прадедом Романом. Тогда враг стоял под Москвой, и всех москвичей призывали в Ополчение. Дед уже стоял во дворе нашего дома в ряду новобранцев, и прабабушка смотрела на него из окна, думая, что больше никогда его не увидит. В этот момент прибежал человек и вручил деду бронь как специалисту радиоинженеру.

А моя бабушка жила в деревне, которая была занята немцами, немцы жили в их доме, было очень страшно. А после ухода немцев молодежь гоняли на рытье окопов аж за 60 км пешком. Однажды лишь счастливый случай спас их, и вот при каких обстоятельствах: девушки ночевали в здании школы и выбрали для ночлега правый угол. А ночью началась бомбежка, и одна из бомб попала точно в левый угол.

Так война затронула нашу семью, всем - и воевавшим, и не воевавшим, было очень тяжело, но все выжили, и благодаря этому я сейчас пишу это сочинение.